

«A la guerre comme a la guerre...»¹

Пролог XX века — пороховой завод.

Эпилог — барак Красного Креста.

Василий Ключевский

**Юрий Григорьевич
ШПАКОВСКИЙ,**
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

Поговорка «A la guerre comme a la guerre...» (на войне как на войне) — французская. Война в данном случае подразумевает поле битвы, вступая на которое человек негласно принимает суровое правило: либо ты уничтожаешь противника, либо он тебя. Здесь перестают работать эмоции жалости, человеколюбия, морально-этические принципы.

Войн не бывает и без пленных. Эта истина подтверждается многовековой историей. Для любого воина плен — позор, скорбь и надежда. Судьба военнопленных — та часть истории, которая редко упоминается в публицистике и научной литературе. Между тем масштабные сражения прошлых веков, помимо тысяч погибших солдат, оставляли большое количество военнопленных.

Но на протяжении длительного исторического периода отношение к военнопленным определялось исходя из сложившихся обычаев и договоров между сторонами конфликта. В древнекитайском памятнике «Трактат о военном искусстве» (VII в. до н.э.) отмечалось: «Убийство человека, который уже покорился, сулит несчастье». Правила войны у шумеров — обязательное объявление о начале военных действий, возможность для перемирия, мирный договор, неприкосновенность парламентариев.

Кодекс Хаммурапи, названный именем вавилонского царя, начинался словами: «Я устанавливаю эти законы, чтобы не дать сильным покорить слабых». Древнеегипетские «Семь деяний истинного милосердия» призывали: «Накорми врага своего», «Накорми голодного, напои жаждущего, освободи пленного, вылечи больного, похорони мертвого».

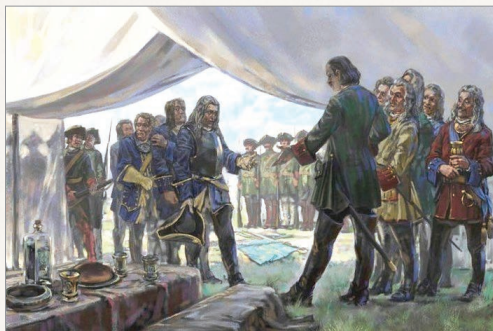
А как к плену относились на Руси? Предпочтение смерти в бою плену — давняя традиция российских воинов. Вместе с тем выработалось мнение различать сдачу в плен по трусости, слабодушию или по уважительным причинам, например ввиду физической невозможности продолжать борьбу. Как известно, в одном случае пленника ожидал позор, презрение боевых товарищей и соотечественников, в другом — сострадание и помощь.

Довольно долго такое отношение к плену находило и юридическое выражение в правовых актах Русского государства, в которых предусматривались возможности вызволения соотечественников из неволи и различные компенсации за перенесенные в ней тяготы и лишения. К примеру, в 944 г. в договоре Руси с Византией был установлен определенный порядок выкупа пленных (ст. 7), а в Соборном уложении 1649 г. этому уже посвящалась специальная глава (VIII), в которой, в частности, указывалось: «Полоняником на окуп збирати денги ежегод з городов всего Московского государства, с посадских дворов и с ямщиков и со всяких жилецких людей... чтобы в том денежном зборе никто вызбылых не

¹ Материал подготовлен с использованием интернет-ресурсов.

был, занеже таковое искупление общая милостыня нарицается, и благочестивому царю, и всем православным христианом за то великая мзда от Бога будет... Христос же, не токмо сребра, но и душою свою повелевает по братии положить. И того ради Христова слова благочестивым царем и всем православным христианом не токмо пленных окупати, но и душу свою за них полагати достойно, до сторичных мзды во он день сподобятся» (ст. 1)².

Однако наиболее полно и всесторонне проблема плена в русском праве впервые была освещена Петром I в знаменитом Артикуле воинском 1715 г. С одной стороны, в нем регламентировался порядок обращения с вражескими военнопленными. Причем под страхом сурового наказания запрещалось их убивать: «Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убить, ниже без ведома генералов и позволения освобождать, под потеряннем чести и живота» (арт. 115).

А. Батов. Петр I и шведские генералы

К. В. Лебедев. Петр I пьет за здоровье шведов, побежденных в Полтавской битве

С другой стороны, в этом старом документе очень интересно и, пожалуй, более прогрессивно, чем в советском праве, решался вопрос об ответственности своих военнослужащих, попавших в плен: «Притчины, которых ради комендант, офицеры и салдаты извинены быть могут, когда крепость здастся, суть следующие: (1) Крайней голод, когда ничего не будет, чем человек питаться может, имея наперед всевозможную в пище бережность; (2) Когда амуниции ничего не останется, которая таже со всякою бережью трачена; (3) Когда людей так убудет, что оборонитися весьма не состоянии будут (а во всю осаду оборонялися храбро), сикурсу получить не могут, и что крепости уже по всем видам удержать будет невозможно; (4) Однакож сии пункты суть тем, кои особливого указа до последнего человека оборонитися не имеют. А которые имеют указ, то никакой нужды ради не капитулировать с неприятелем, и крепости не отдавать»³.

Следует заметить, что именно Россия была в числе стран, инициировавших выработку международных правил о гуманном отношении к военнопленным.

Вот один из примеров уважительного отношения к поверженному противнику. После Полтавского сражения Петр I отдал следующие распоряжения: пленных генералов и офицеров содержать в соответствии со званием; унтер-офицерам и рядовым выдавать жалованье и содержание, как у русской пехоты, а также разрешить заниматься ремеслом; те, кто захочет принять русскую службу, должны получать жалованье, соответствующее русским чинам; пленным, которых сопровождали жены, разрешить совместное проживание.

Также победу над шведами в Полтавском сражении Петр I пожелал сразу же отпраздновать в своем шатре в окружении

² Российское законодательство X—XX веков. М. : Юрид. лит., 1985. Т. 3. С. 97—98.

³ Российское законодательство X—XX веков. Т. 3. С. 348—349.

высшего командования русской армии. На пир были приглашены и пленные шведские генералы. Во время застолья царь якобы произнес тост: «За здоровье моих учителей в военном деле!» После смерти Петра эти слова вошли во все отечественные учебники истории. Но, возможно, это и красивая легенда, также воспетая Пушкиным в поэме «Полтава»:

*В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.*

Еще при Петре I в годы Северной войны, когда не существовало никаких международных организаций типа Красного Креста, но ни русский царь, ни шведский король о своих верноподданных не забывали, и с обеих сторон существовали должностные лица, в задачу которых входило ездить к неприятелю для взаимного урегулирования вопросов содержания солдат, а также гражданских лиц, волею судеб оказавшихся в качестве военнопленных, выделялись средства, оговаривались вопросы проживания, оказания медицинской помощи раненым. Даже пытались произвести равноценный массовый обмен, но, к сожалению, это так и осталось на уровне дипломатической переписки.

Позднее сформировался статус военнопленного. Им признавался мужчина в военной форме противника, служивший в регулярной армии.

А как поступали с пленными солдатами в войне 1812 года? Так, князь фельд-маршал Михаил Кутузов в приказе русским армиям от 21 декабря (2 января) 1812 г. в городе Вильно писал: «Не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата».

В России забота о военнопленных была поручена Особой канцелярии Министерства внутренних дел. Согласно существовавшим нормативам, всех узников надлежало немедленно снабдить одеждой по сезону и провиантом на 7 дней. В дальнейшем вместо пайка солдатам и офицерам давали денежное довольствие. Например, в 1812 г. пленные французские генералы получали по 3 рубля в день, полковники — 1,5 рубля, майоры — 1 рубль, младшие офицеры — 50 копеек, рядовые — 5 копеек. В дальнейшем сумма была увеличена вдвое. В 1877—1878 гг. пленные турецкие генералы получали по 4 рубля в день, рядовые — по 40 копеек в день.

Обычно военнопленных перемещали в отдаленные губернии страны, подальше от боевых действий. Конечно, никто не строил лагеря с колючей проволокой для военнопленных, они жили относительно свободно. Разумеется, офицерам было легче. Часто под честное слово они могли свободно перемещаться по городу и снимать жилье. Иностранцев, знавших язык и ремесло, дворяне и купцы охотно нанимали на службу.

А вот простые солдаты переживали определенные тяготы плена. Как правило, выданная государством одежда быстро изнашивалась. Крестьяне продавали пищу втридорога, и выделенных денег не хватало. Однако в эпоху Российской империи всем военнопленным разрешалось вернуться на родину после окончания войны.

При описаниях русско-французской войны обыкновенно акцент делается на огромные (более 200 тыс. человек) потери пленными наполеоновской армии. Однако противостоявшая ей в ходе этой войны русская императорская армия также несла большие потери, в том числе и попавшими в плен, хотя в количественном отношении их число было относительно невелико. Известно, что в итоге сражения за Шевардинский редут в Бородинской битве русские войска потеряли, в основном ранеными и убитыми, частью пленными, как минимум 44 000 нижних чинов и 1 500 офицеров (согласно сводным ведомостям о полковых потерях). Из этого количества до 1 200 человек попало в плен непосредственно на поле боя⁴. Однако гораздо большее (и при этом точно неизвестное) число тяжелораненых русских солдат попало во французский плен, будучи оставленными в Москве при отступлении русской армии⁵.

Христиан Фабье́р дю Фор. Группа русских пленнх, взятых в Бородинской битве, у деревни Валуево

По разным оценкам, речь может идти о двух-трех десятках тысяч раненых русских воинов, в основном не способных быстро самостоятельно передвигаться и в связи с этим «препорученных великодушию неприятеля» (именно с этими словами их передал русский генерал М. А. Милорадович, командир русского арьергарда, французскому маршалу Иоахиму Мюрату перед сдачей Москвы).

Историки рассматривают несколько причин, вынудивших командование российских войск к данному шагу.

Во-первых, конечно, это было обусловлено огромным дефицитом перевозочных средств, сложившимся в результате поспешного бегства населения из Москвы из-за неожиданного для большинства решения штаба М. И. Кутузова о сдаче древней столицы.

Во-вторых, русская армия (тогда комплектуемая в абсолютном большинстве из крепостных крестьян) в ту эпоху, начиная еще с царствования Петра I, традиционно отличалась крайне пренебрежительным отношением к жизни отдельного «нижнего чина».

В-третьих, армия России в XVIII в. отличалась от западноевропейских армий крайне недостаточным числом не только военных врачей, но даже фельдшеров и младшего медицинского персонала, что обуславливало высокий уровень смертности среди раненых, и это, соответственно, предполагало скорую смерть большинства оставленных в Москве жертв Бородинской битвы. Характерным показателем уровня медицинской науки той эпохи является, например, даже относительно нетяжелое (по современным меркам) ранение генерала П. А. Багратиона, которое привело к его гибели.

Существует историческая справка, согласно которой на 1 (13) сентября 1812 г. в московских госпиталях и частных домовладениях находилось по различным

⁴ Интересный факт: небольшое число сдавшихся вызвало неудовольствие самого Наполеона, так как именно количество пленнх считалось одним из главных показателей победы.

⁵ В первую очередь из-за отсутствия средств передвижения и возможного нежелания местного населения предоставлять имевшиеся у них транспортные средства.

оценкам от 22 500 до 31 000 раненых и больных, большинство из которых не было эвакуировано вместе с отступавшими войсками. В итоге очень многие из них погибли в огне пожара, или умерли от ран, или скончались от голода и жажды, не получив должного ухода. Те же немногие, кто кое-как выжил, но еще не мог быстро самостоятельно передвигаться, были убиты французами при отходе завоевателей из Москвы или в ходе долгих «маршей смерти».

По оценке Карла фон Клаузевица, участвовавшего молодым офицером на стороне России в Отечественной войне 1812 года, уже к 28 октября 1812 г. из трех десятков тысяч оставленных раненых погибло более 25 тысяч, и это событие, по его впечатлению, было более ужасным и жестоким, чем ад Бородинской битвы.

Был ли обмен пленными? Реальный факт: русские не только не соглашались на это, но и вообще отказывались от переговоров. Кутузов, прекрасно понимая возможную судьбу русских пленных, отверг предложенную французами и принятую тогда в Европе традицию размена военнопленными даже в ходе военных действий, заявив, что произведет обмен не раньше, чем только после заключения победного для России мира. Позиция фельдмаршала была такова: «Выпустить пленных на свободу? Они стали бы рассказывать о нашем бедственном положении и, присоединившись к своим, яростно бросились бы за нами. В этой беспощадной войне просто даровать им жизнь было равносильно тому, что принести в жертву себя. Нам приходилось быть жестокими по необходимости...».

Следует добавить, что война 1812 года особо запомнилась современникам (в отличие от предыдущих и даже последовавших русско-французских войн, шедших на территории Европы) невероятным ожесточением с обеих сторон.

С XVIII в. судьба военнопленных контролировалась государственными актами, появились представления о гуманизме и заинтересованность в сохранении жизни противника.

Российская империя ратифицировала Женевскую конвенцию 1864 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и принятую в дополнение к ней Женевскую конвенцию 1906 г. В юридической литературе эти документы получили наименование конвенций Красного Креста, так как были приняты на международных конференциях, созданных этой организацией.

Результатом проведения Гаагских конференций 1899 и 1907 гг. стало принятие конвенций, распространивших правовую защиту на все категории военнопленных. При этом конференция 1899 г. была созвана по предложению Николая II, а в основу одобренной в Гааге Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» были положены предложения известного российского юриста-международника Федора Мартенса, а также положения оставшейся неутвержденной Брюссельской декларации 1874 г., заслуга в разработке которой также принадлежит России.

Гаагские конвенции закрепили международно-правовой принцип, заключающийся в том, что удержание солдат и офицеров противника в плену не является ни мстью, ни наказанием, а служит воспрепятствованию военному служащему принимать дальнейшее участие в боевых действиях. Установленный в этих документах правовой статус военнопленных предполагал гуманное обращение с ними. В тексте конвенций содержался запрет на преследование военнопленных за свои убеждения и вероисповедание, оговаривался режим содержания,

материального обеспечения и трудового использования, медицинского обслуживания военнопленных.

Документы конференций 1899 и 1907 гг. содержали положения о мирном разрешении международных споров, нейтралитете, защите мирных жителей в период военных действий, в них был, наконец, определен состав комбатантов — участников боевых действий, которые имели право на статус военнопленных.

Особая значимость Гаагских конвенций заключалась в том, что они возложили ответственность за содержание военнопленных на правительства воюющих держав. Данное положение подталкивало правительства государств к разработке своих нормативных правовых документов, касавшихся содержания в стране бывших военнослужащих противника, созданию системы органов, обеспечивавших прием их от войск, обеспечение и эвакуацию в тыл страны и трудовое использование.

В России таким документом стало утвержденное правительством 7 октября 1914 г. Положение о военнопленных, которое определило правовой статус военнопленных, порядок их содержания, медицинского обеспечения и трудового использования в годы Первой мировой войны. По вопросу эвакуации военнопленных из прифронтовых районов в нем говорилось, что захваченные в плен военнослужащие противника должны сосредотачиваться в определенных местах, откуда по распоряжению Верховного главнокомандующего они будут доставляться в особо назначенные сборные пункты для дальнейшего отправления в тыл империи.

Существует утверждение, что Первая мировая война была последней войной, которая шла еще по старым «рыцарским» правилам, когда противники старались относиться друг к другу с уважением и вели себя как джентльмены. Ярким примером тому является история с нахождением в немецком плену русского подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка Михаила Тухачевского, будущего советского маршала.

В феврале 1915 г. Тухачевский попал в плен. За шесть месяцев Первой мировой войны он зарекомендовал себя блестяще, был отмечен боевыми наградами.

Но затем военное счастье изменило храброму офицеру. Во время внезапной ночной атаки на русские траншеи немецкие гренадеры застали Тухачевского спящим в траншее. Так подпоручик и оказался в немецком плену.

Плен будет длиться долго — два с половиной года (с февраля 1915 по сентябрь 1917 г.). Тухачевский совершит пять побегов, последний из которых будет удачным. Остается только представить, что это был за плен и какими были эти побеги.

Например, даже в плену офицеры (и Тухачевский в их числе) получали свои офицерские оклады, на которые и существовали (покупали себе еду, следили за обмундированием и т.п.). Из числа пленных солдат к офицерам приставлялся денщик, на которого и возлагались хозяйственные заботы. Офицеры в плену много читали, занимались самообразованием, даже ставили любительские спектакли.

Побег произошел следующим образом. Пленным офицерам разрешались дневные прогулки за пределы лагеря, под честное слово, что они не будут бежать. В штатской одежде (чтобы не смущать местных жителей), но в сопровождении немецкого капрала можно было поехать по окрестностям или побывать в городе. Тухачевский убежал именно во время такой прогулки.

Подпоручик
Михаил Тухачевский (1915 г.)

Благодаря французским исследователям известно следующее. Тухачевский, чтобы выйти из лагеря, должен был подписать официальный документ: «Я даю свое честное слово, в случае моего участия в прогулке, во время самой прогулки, т.е. с выхода из лагеря и до возвращения в него обратно, не совершать побега...».

Но своим товарищам по плену Тухачевский оставил следующее послание: «Я извиняюсь, но никакого слова я не давал. Во время подписания мы обменялись этими документами с другим капитаном. И он подписал под моим документом, а я — под его. Так что я никакого слова не давал и никому ничего не должен!»